

Люк Бриссон

«О благе» Платона: метаморфоза одного анекдота*

LUC BRISSON
PLATO'S "ON THE GOOD": A METAMORPHOSIS OF AN ANECDOTE
(TR. O. ALIEVA)

ABSTRACT. According to Aristoxenus' testimony of an anecdote related by Aristotle, Plato had delivered a public lecture of a text called *On the Good* that has greatly disconcerted his audience. Several centuries later, most Platonists (belonging to Middle and Neoplatonism) were using this anecdote as the ground for making Plato a disciple of Pythagoras, by identifying the Good with the One. In modern and contemporary periods, the adherents of the esoteric interpretation of Plato would like to make the anecdote the cornerstone of Plato's entire doctrine. Here, we provide a detailed analysis of Aristoxenus' text, with the aim to clearly distinguish between historical data and exegetical speculations.

KEYWORDS: Aristoxenus, Aristotle, Plato, the Academy, the Good, the One, Neo-Platonism, esoteric interpretation, secret doctrine.

Наиболее древним свидетельством о лекции Платона «О благе» остается текст Аристоксена Тарентского¹, который передает слова Аристотеля. Вот почему представляется уместным внимательно рассмотреть как форму, так и контекст лекции, которая упомянута в этом анекдоте. Спустя несколько веков платоники содержанием этой лекции положат некую секретную доктрину,

© L. Brisson (Paris). lbrisson@agalma.net Centre Jean Pépin du Centre national de la recherche scientifique.

© О.В. Алиева (Москва). oalieva@hse.ru. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

* Оригинал публикации: Brisson 2017.

¹ Об Аристоксене Тарентском см. Huffman 2012.

касающуюся двух начал, Единого и неопределенной Двоицы, с целью показать, что платонизм происходит из пифагорейского учения. Именно эту метаморфозу я и хотел бы здесь описать².

1. Свидетельство Аристоксена и его литературный анализ

Анекдот, о котором идет речь, открывает вторую книгу «Элементов гармоник» Аристоксена Тарентского. Первая представляет собой несколько путаное изложение истории изучения гармонии (музыкальной и математической). Лишь во второй книге Аристоксен излагает свою точку зрения. По этой причине он начинает с методологической установки.

καθάπερ Ἀριστοτέλης ἀεὶ διηγεῖτο τοὺς πλείστους τῶν ἀκουσάντων παρὰ Πλάτωνος τὴν περὶ τάχα τοῦ ἀκρόασις παθεῖν· προσιέναι μὲν γὰρ ἕκαστον ὑπολαμβάνοντα λήψεσθαι τι τῶν νομιζομένων τούτων ἀνθρωπίνων ἀγαθῶν οἷον πλοῦτον, ὑγίειαν, ἰσχύν, τὸ ὅλον εὐδαιμονίαν τινὰ θαυμαστήν· ὅτε δὲ φανείησαν οἱ λόγοι [40] περὶ μαθημάτων καὶ ἀριθμῶν καὶ γεωμετρίας καὶ ἀστρολογίας καὶ τὸ πέρας ὅτι ἀγαθὸν ἐστὶν ἔν, παντελῶς οἶμαι παράδοξόν τι ἐφαίνετο αὐτοῖς, εἴθ' οἱ μὲν ὑποκατεφρόνουν τοῦ πράγματος, οἱ δὲ κατεμέμφοντο.

τί οὖν τὸ αἴτιον; οὐ προήδεσαν, ἀλλ' ὥσπερ οἱ ἐριστικοὶ πρὸς τοῦ νομα αὐτὸ ὑποκεχηνότες προσήεσαν·

εἰ δὲ γέ τις οἶμαι προεξετίθει τὸ ὅλον, ἀπεγίνωσκεν ἂν ὁ μέλλων ἀκοῦειν ἢ εἴπερ ἤρρεσκε αὐτῷ διέμενεν ἂν ἐν τῇ εἰλημμένη ὑπολήψει.

προέλεγε μὲν οὖν καὶ αὐτὸς Ἀριστοτέλης δι' αὐτὰς ταύτας τὰς αἰτίας, ὡς ἔφη, τοῖς μέλλουσιν ἀκροᾶσθαι παρ' αὐτοῦ, περὶ τίνων τ' ἐστὶν ἡ πραγματεία καὶ τίς. βέλτιον δὲ καὶ ἡμῖν φαίνεται, καθάπερ εἵπομεν ἐν ἀρχῇ, τὸ προειδέναι (Harm. 2.39–40 Da Rios).

² Отчасти я развиваю здесь Приложение 4 к главе «Предпосылки и следствия эзотерической интерпретации Платона» (Brisson 2000: 43–110). Я не возвращаюсь к обзору литературы (работ Г. Кремера и Т.А. Слезака), которая по существу отталкивается от книги Г. Черниса (Cherniss 1945) и ее критике К. Гайзером (Gaiser 1980). Наиболее свежая статья на эту тему — Krämer 2009. Журнал «Платоновские исследования» (на русском) посвятил «неписаному учению» тематический раздел одного из выпусков (ПИ 2016). На французском Richard 1986 дает полезный обзор такой интерпретации, но пользоваться книгой следует с осторожностью — ср. мои критические замечания на нее (Brisson 1990).

Как постоянно рассказывал Аристотель, это случилось со многими слушателями лекции Платона «О благе». Каждый, рассказывал Аристотель, пришел в надежде узнать о том, что традиционно считается человеческими благами: богатстве, здоровье, телесной силе или, в целом, о каком-то удивительном счастье. Но когда выяснилось, что Платон говорит [40] о математике, числе, геометрии и астрономии, заключая, что благо — единое, то это, я полагаю, оказалось для них весьма неожиданным, и у одних вызвало презрение, а у других — возмущение.

Что же было причиной такой реакции? Дело в том, что они не знали заранее, о чем пойдет речь, но как эристы сбежались, разинув рот, на само слово «благо».

По моему мнению, если заранее обрисовать целое, то человек либо откажется от намерения слушать, либо, если его интересует предмет, останется до конца.

По этой причине сам Аристотель, по его словам, заранее объявлял пришедшим слушателям, что будет рассматриваться и как. И я тоже предпочитаю, как я сказал выше, объявить заранее, чему посвящено изложение^{*}.

Рассмотрим этот текст и постараемся его внимательно проанализировать.

ἀεὶ — Аристотель часто рассказывал этот анекдот о событии, которое, должно быть, произвело на него глубокое впечатление³. Это придает определенную авторитетность свидетельству Аристоксена.

τῆν περὶ τὰγαθοῦ ἀκρόασιν — Обратим внимание на единственное число. Многие переводчики указывают на единственную лекцию: точно сказать невозможно. Но если лекция читалась несколько раз, слушатели знали бы, чего ожидать, и не были бы удивлены ее содержанием. На то, что речь идет об устном сообщении, указывает глагол ἀκούειν. Вместе с тем, существительное

^{*} Рус. переводы Аристоксена и других свидетельств о платоновской лекции «О благе» отличаются от представленных в ПИ 2016 с целью согласования с французскими переводами в оригинале настоящей статьи. — *Прим. пер.*

³ Полное собрание сведений о работе Аристотеля «О благе» см. Gigon 1987: 333–350. [Рус. пер. Περί τὰγαθοῦ с др. издания см. Алымова 2016 — *Прим. пер.*]

ἀκρόασιν, которое ближе к концу сменяет глагол ἀκροᾶσθαι, отсылает к учению самого Аристотеля, которое было устным, но частично предназначалось для записи и не несло в себе ничего секретного. Что касается Платона, то этот пассаж, разумеется, упоминает некое устное сообщение, но ни в коей мере — устное учение, предназначенное лишь немногим, а именно членам Академии. В самом деле, как слушателей, хорошо знакомых со взглядами Платона, могло смутить учение, изложенное, в частности, в «Государстве»? Следовательно, речь идет о лекции, предназначенной для широкой публики, не обязательно платоникам.

τι τῶν νομιζομένων τούτων ἀνθρώπινων ἀγαθῶν οἷον πλοῦτον, ὑγίειαν, ἰσχύν — Эти блага упомянуты в тех же выражениях в «Государстве» и в «Законах».

[А д и м а н т.] — Да, это странно слышать! [491c]

[С о к р а т.] — А кроме того, губят и отвлекают ее и все так называемые блага: красота, богатство, телесная сила, влиятельное родство в государстве и все, что с этим связано. Вот тебе в общих чертах то, что я имею в виду (R. VI, 491bc, здесь и далее пер. А.Н. Егунова).

А ф и н я н и н. Надо было бы сказать так: «Критские законы, чужеземец, недаром особенно славятся среди эллинов. Они правильны, так как делают счастливыми тех, кто ими пользуется, предоставляя им все блага. Есть два рода благ: одни — человеческие, другие — божественные. Человеческие зависят от божественных. И если какое-либо государство получает большие блага, оно одновременно приобретает и меньшие [631c], в противном же случае лишается и тех и других. Меньшие блага — это те, во главе которых стоит здоровье, затем идет красота, на третьем месте — сила в беге и в остальных телесных движениях, на четвертом — богатство, но не слепое, а зоркое, спутник разумности. Первое же и главенствующее из божественных благ — это разумение; второе — сопутствующее разуму здоровое состояние души; из их смешения с мужеством возникает третье благо — справедливость; [631d] четвертое благо — мужество...» (Lg. I, 631b–d, пер. А.Н. Егунова).

Так что же здесь секретного?

τὸ ὅλον εὐδαιμονίαν τινὰ θαυμαστήν — В тексте «Законов», который был только что процитирован, именно обладание благами (человеческими и божественными) приносит человеку счастье. Таким образом, в сообщении Аристоксена мы находим доктрину, которая соответствует той, что была изложена в «Государстве» и затем в «Законах». Ничего секретного тут нет.

οἱ λόγοι περὶ μαθημάτων καὶ ἀριθμῶν καὶ γεωμετρίας καὶ ἀστρολογίας — Более того, последующие слова соответствуют программе образования философов, представленной как в «Государстве», так и в подложном «Послезаконии», которое следует в этом отношении за «Государством».

<i>Предметы</i>	<i>Государство VII</i>	<i>Послезаконие</i>
арифметика	521b–526c	990cd
геометрия	526c–528a	990d
стереометрия	528a–530c	990de
гармоника	530c–531c	991ab
астрономия	527c–528a	991bc
диалектика	531c–535a	991c

καὶ τὸ πέρας — Выражение, которое означает «наконец», «в конце концов» (ср. Aeschines 1.61, Polybius 2.55.6 и т.д.) — ничего общего с учением о пределе (πέρας) и беспредельном (ἄπειρον), которое связано с понятием «единого» (ἓν).

ὄτι ἀγαθὸν ἐστὶν ἓν — Понятие ἓν находится в предикативной позиции. И фраза означает не то, что Благо — это Единое, а то, что Благо едино, поскольку это единая умопостигаемая идея, в отличие от прочих многочисленных благ.

[С о к р а т.] — Так вот, Главкон, это и есть тот самый напев, который выводит диалектика. Он умопостигаем, а между тем зрительная способность хотела бы его воспроизвести; но ведь ее попытки что-либо разглядеть обращены, как мы говорили, лишь на животных, как таковых, на звезды, как таковые, наконец, на

Солнце, как таковое. Когда же кто-нибудь делает попытку рассуждать, он, минуя ощущения, посредством одного лишь разума, устремляется к сущности любого предмета и не отступает, [532b] пока при помощи самого мышления не постигнет сущности блага. Так он оказывается на самой вершине умопостигаемого, подобно тому как другой взшел на вершину зримого (R. VII, 532ab).

παντελῶς οἴμαι παράδοξόν τι ἐφαίνετο αὐτοῖς — Свидетельство Аристотеля хорошо передает реакцию слушателей Платона, выступившего против общепринятых представлений. Тут слышится эхо такого полемического пассажа из «Никомаховой этики»:

Потому-то названные ранее [удовольствие и почет] скорее можно представить себе целями, ибо они желанны сами по себе. Но оказывается, и они не цели, хотя в пользу того, [что они цели], приведено много доводов. Итак, оставим это.

Лучше все-таки рассмотреть [благо] как общее понятие и задать вопрос, в каком смысле о нем говорят, хотя именно такое изыскание вызывает неловкость, потому что идеи ввели близкие нам люди [= платоники — Л.Б.]. И все-таки, наверное, предпочтительно и должно — во всяком случае, ради спасения истины — отказаться даже от дорогого и близкого, особенно если мы философы. Ведь хотя и то и другое дорого, долг благочестия — истину чтить выше.

Сторонники этого мнения не создали идей, внутри которых определялось бы первичное и вторичное; именно поэтому не создали они идею чисел. Что же касается блага, то оно определяет [в категориях] сути, качества и отношения, а между тем [существующее] само по себе, т.е. сущность, по природе первичнее отношения — последнее походит на отросток, на вторичное свойство сущего, а значит, общая идея для [всего] этого невозможна.

Кроме того, «благо» имеет столько же значений, сколько «бытие». Так, в категории сути благо определяется, например, как бог и ум, в категории качества, например, — как добродетель; в категории количества — как мера, в категории отношения — как полезное, в категории времени — как своевременность, в категории пространства — как удобное положение и т.д. Таким образом, ясно, что благо не может быть чем-то всеобъемлюще общим и еди-

ным. Ведь только тогда оно определялось бы не во всех категориях, а только в одной (EN 1.4, пер. Н.В. Брагинской, незначительно исправленный).

Благо не может быть единым, как думают Платон и его ученики.

τί οὖν τὸ ἀίτιον; ἀλλ' ὥσπερ οἱ ἐριστικοὶ πρὸς τοῦνομα αὐτὸ ὑλοκεχηνότες προσήεσαν — В «Софистических опровержениях» находим такое противопоставление:

Нет различия между доводами, о котором говорят иные, будто одни из них касаются слова (πρὸς τοῦνομα), а другие — смысла (πρὸς τὴν διάνοιαν) (SE 10, 170b12–14, пер. М.И. Иткина).

Согласно Аристоксену, который в этом отношении верен Аристотелю, именно «эристики» в споре стремятся к победе любой ценой и ограничиваются словесной игрой, вместо того чтобы заботиться о содержании мысли. В «Евтидеме» Платона можно обнаружить множество примеров такой практики.

В целом, свидетельство Аристоксена не содержит ничего, чего не было бы в диалогах Платона. Прежде всего, ссылка на устное разглашение некоего секретного учения выглядит неправдоподобно. Вместе с тем, некоторое количество комментаторов выдвинули такое предположение. Как это объяснить?

2. Что такое «О благе» согласно Аристоксену

Чтобы лучше понять этот отрывок из Аристоксена, попытаемся ответить на следующие три вопроса: чего стоит его свидетельство? в какой форме проходила упомянутая лекция? каким было ее содержание?

2.1. Ценность свидетельства

Поскольку Аристоксен входил в окружение Аристотеля и даже после смерти последнего надеялся сменить его во главе Ликеея, можно полагать, что он слышал этот рассказ из уст самого Аристотеля, часто рассказывавшего этот анекдот, на что указывает наречие αἰεὶ в тексте. Таким образом, мы имеем здесь прямое свидетельство.

2.2. Публичная и единственная лекция

В Афинах времен Платона чтение про себя было редкостью⁴. Чтобы прочитать текст, требовалось умение разделять слова в потоке «прописных» букв без каких-либо диакритик и знаков препинания. Специалисты часто читали тексты вслух на публике, и слушателям предлагалось платить за такие лекции. Именно таким образом Сократ ознакомился с сочинениями Анаксагора, как он рассказывает в «Апологии», защищаясь от обвинений в развращении юношей:

Берешься обвинять Анаксагора, друг Мелет, и так презираешь судей и считаешь их столь несведущими по части литературы! Ты думаешь, им неизвестно, что книги Анаксагора Клазоменского переполнены подобными мыслями? А молодые люди, оказывается, узнают это от меня, когда они могут узнать то же самое, заплативши за это в оркестре иной раз не больше драхмы... (Ap. 26d6–e1, пер. М.С. Соловьева)

Итак, книги Анаксагора читались в оркестре — той части театра, которая располагалась между актерами и местами для зрителей, и где перемещался хор.

Гипотеза о публичном чтении текста Платона весьма правдоподобна. Дело в том, что Платон был известен многим жителям Афин (D.L. 3.41), и его странное представление о Благе вызывало смех у тех, кто шел в театр смотреть комедии Алексиды (fr. 152 = 2.353 Коск), Амфида (fr. 6 = 2.237 Коск) и Филиппида (fr. 6 = 3.303 Коск). В этих комедиях персонаж Платон напоминает Сократа, выведенного Аристофаном в «Облаках» в 423 г.

Читал ли Платон сам свой текст или это делал кто-то другой? Мы не можем сказать. Как бы то ни было, авторитет Платона был использован в полной мере. В любом случае можно предполагать публичную лекцию, бесплатную либо платную, открытую для всех. Значит, публика не могла состоять преимущественно из философов — это объясняет недовольство многих слушателей.

⁴ См. Svenbro 2001: 51–84; Dorandi 2000: 73–75.

Единственная публичная лекция, открытая для всех — такого мнения придерживаются определенные античные авторы. Мы приведем два доказательства. Одно принадлежит Фемистию, другое — Проклу.

Фемистий (ок. 317 – ок. 388), ритор и философ, пишет в своей речи *Βασανιστής ἢ φιλόσοφος* (21):

ἐπεὶ καὶ Πλάτωνα τὸν σοφὸν οὐδὲν ἐκόλυεν εἶναι σοφόν, ὅτι αὐτοῦ λέγοντος ἐν τῷ Πειραιεῖ ξυνέρρεόν τε καὶ (d) ξυνήεσαν οὐ μόνον ἐκ τοῦ ἄστεος κατιῶν ὁ δῆμος, ἀλλὰ καὶ ἐκ τῶν ἀγρῶν καὶ ἐκ τῶν ἀμπελώνων καὶ ἐκ τῶν ἔργων τῶν ἀργυρείων· καὶ οὖν ὀπηνίκα τοὺς περὶ τάγαθοῦ διεξῆει λόγους, ἰλιγγίασέ τε ὁ πολὺς ὄμιλος καὶ ἀπερρύθησαν τοῦ χοροῦ, καὶ τελευτῶν δὴ κατέληξεν εἰς τοὺς συνήθεις ὀμιλητὰς τῷ Πλάτῳ μόνους τὸ θέατρον (21, 245cd Hardouin).

И мудрецу Платону ничто не мешало быть мудрецом, поскольку, когда он выступал в Пирее, люди стекались, чтобы его послушать, — не только из города, но и с полей, с виноградников, с серебряных рудников. И когда он излагал свои доводы «О благе», у целой толпы помутилось в голове, и они ушли. Так что в конце концов среди слушателей в театре остались лишь верные последователи Платона.

Даже если лекция была единственной, в ней не было ничего секретного — по двум причинам: публика была многочисленна и разнообразна. Кроме того, возможно ли представить, чтобы члены Академии были удивлены докладом о благе, которое играет столь важную роль у Платона?

В своем «Комментарии к *Пармениду* Платона» Прокл (412–485) так комментирует пассаж (127с6), где Зенон читает свою книгу.

Ἐνταῦθα δὴ τοῦ λόγου γενόμενοι ζητοῦσιν εἰ ἀναγνωστέον τοῖς φιλοσόφοις ἐπὶ τινῶν τὰ ἑαυτῶν συγγράμματα, καθάπερ ὁ Ζήνων, καὶ ἀξιούσιν, εἰ καὶ ποιοῖεν τοῦτό ποτε, τοιαῦτα ἀναγινώσκειν οἷα σύμμετρα τοῖς ἀκούουσίν ἐστιν, ἵνα μὴ πάθωσιν ὅπερ τὸν Πλάτωνα φασὶν ἀκρόασιν ἐπαγγείλαντα περὶ τοῦ ἀγαθοῦ· συλλεγῆναι γὰρ πολὺν καὶ παντοῖον ὄχλον· ὡς δὲ ἀνεγίνωσκεν αὐτὸς, οἱ δὲ οὐ συνίεσαν τῶν λεγομένων, ἀπολιπόντες αὐτὸν κατ' ὀλίγους σχεδὸν ἅπαντες ἐληλύθασι. Ἀλλὰ Πλάτῳ σχεδὸν ἅπαντες ἐξεληλύθασι. Ἀλλὰ Πλάτῳ

μὲν τοῦτο συμβέβηκεν εἰδοῦσι καὶ προειπόντι τοῖς ἑταίροις μηδένα τῶν εἰσιόντων διακωλύειν, ἔσεσθαι γὰρ ἐπὶ μόνων τῶν γνωρίμων τὴν ἀνάγνωσιν. (I, 688.4–18 Cousin = 94.11–27 Luna, Segonds).

Те, кто разбирают данное место, часто спрашивают, нужно ли философам читать свои сочинения вслух, как Зенон. Они считают, что если бы [философы] делали это, то им следовало бы читать лишь то, что доступно восприятию слушателей, дабы с ними не случилось того же, что с самим Платоном, когда он объявил, что будет читать лекцию «О благе». Тогда собралась огромная и разношерстная толпа, но, когда чтение началось, люди не поняли того, о чем идет речь, и стали понемногу расходиться; наконец, ушли почти все. Однако сам Платон знал, что так получится, и заранее предупредил своих товарищей, чтобы они не останавливали проходящих: [неважно], говорил он, ибо он будет читать лишь ученикам (пер. Л.Ю. Лукомского, испр.).

Прокл весьма ловко толкует анекдот, рассказанный Аристоксеном. 1) Лекцию «О благе» читает сам Платон, подобно Зенону. 2) Речь идет о публичной лекции, что объясняет уход большинства слушателей. 3) Платон не расстраивается, поскольку он изначально знает, что только члены школы смогут понять то, о чем он говорит. Таким образом, противоречие снимается: реакция широкой публики указывает на то, что учение Платона касается секретной доктрины, предназначенной членам Академии. Лишь они остаются на своих местах, потому что лишь они способны ее понять. Кроме того, невозможно, как мы уже видели выше, чтобы эта лекция читалась более одного раза. Иначе удивление слушателей не имело бы никакого смысла.

2.3. Содержание лекции

Но в чем могло заключаться изложенное Платоном учение? Если понимать ὅτι ἀγαθόν ἐστὶν ἓν (как это позволяет грамматика) как «благо едино», а не как «благо — это Единое», то данная фраза отсылает, видимо, к книгам VI и VII «Государства». Именно так я понимаю текст: все, что является благом в реальности, восходит к идее Блага, которое совершенно превосходит все прочие

идеи, хотя это вовсе не означает, что она должна рассматриваться как находящаяся за пределами бытия и производящая все прочие реальности. Это все, что мы можем извлечь из свидетельства Аристоксена. Словом, Платон читал или дал кому-то зачитать текст, ссылающийся на книги VI и VII «Государства».

3. Раздувание свидетельства

Если, напротив, предположить, что Платон говорил о том, что «Благо — это Единое», то следует признать существование секретного учения. Но требуется еще установить содержание этого секретного учения. Выражение Гарольда Черниса «the expansion of the evidence» прекрасно описывает тенденциозность платоников в обращении с этим свидетельством. Слова Аристоксена были поняты более широко — как указание на «неписаное учение» о началах, причем учение секретное, доступное лишь членам Академии. Единое, с которым отождествляется Благо, противопоставляется неопределенной Двоице.

3.1. Основные этапы этой метаморфозы

Древнейшие отчетливые свидетельства этой тенденции принадлежат Александру Афродисийскому и Порфирию; оба донесены Симпликием в его «Комментарии на Физику Аристотеля».

3.1.1. Александр Афродисийский

Наиболее древнее свидетельство о содержании лекции «О благе» — Александра Афродисийского (ок. 150 – 215 н.э.); передано же оно Симпликием (ок. 480 – после 532 н.э.) несколькими веками спустя.

λέγει δὲ ὁ Ἀλέξανδρος ὅτι “κατὰ Πλάτωνα πάντων ἀρχαὶ καὶ αὐτῶν τῶν ἰδεῶν τό τε ἔν ἐστι καὶ ἡ ἀόριστος δυάς, ἣν μέγα καὶ μικρὸν ἔλεγεν, ὡς καὶ ἐν τοῖς Περὶ τάγαθοῦ Ἀριστοτέλης μνημονεύει”. λάβει δὲ ἂν τις καὶ παρὰ Σλευσίππου καὶ παρὰ Ξενοκράτους καὶ τῶν ἄλλων, οἱ παρεγένοντο ἐν τῇ Περὶ τάγαθοῦ Πλάτωνος ἀκρόασει· πάντες

γάρ συνέγραψαν καὶ διεσώσαντο τὴν δόξαν αὐτοῦ καὶ ταύταις αὐτὸν ἀρχαῖς χρῆσθαι λέγουσι.

καὶ τὸν μὲν Πλάτωνα ἀρχὰς πάντων λέγειν τὸ ἓν καὶ τὴν ἀόριστον δυάδα πάνυ εἰκός (Πυθαγορείων γὰρ ὁ λόγος, καὶ πολλαχοῦ φαίνεται Πυθαγορείος ὁ Πλάτων ἀκολουθῶν),

τὸ δὲ τὴν ἀόριστον δυάδα καὶ τῶν ιδεῶν ἀρχάς, λέγοντα μέγα καὶ μικρόν, εἰπεῖν διὰ τούτων τὴν ὕλην σημαίνοντα, πῶς ἔτι ἀκόλουθον, τὴν ὕλην ἐν μόνῳ τῷ αἰσθητῷ κόσμῳ τοῦ Πλάτωνος ἀφορίζοντος καὶ σαφῶς ἐν Τιμαίῳ λέγοντος, ὅτι τῆς γενέσεώς ἐστιν οἰκεία, καὶ ἐν αὐτῇ γίνεται τὸ γινόμενον; καὶ τὰς μὲν ιδέας νοήσει γνωστὰς ἔφατο, τὴν δὲ ὕλην ‘νόθῳ λογισμῷ πιστήν’ (in Ph. 151.6–19 Diels).

Александр говорит: «Согласно Платону, началами всего и самих идей являются единое и неопределенная двоица, которую он называл большим и малым, как об этом свидетельствует Аристотель в сочинении *О благе*». То же самое можно узнать и от Спевсиппа, и от Ксенократа, да и от остальных, кто присутствовал на лекции Платона «О благе». Ведь они все записали и сохранили то, чему он учил, и они утверждают, что Платон пользовался именно такими началами.

Весьма правдоподобно, что Платон полагал началами всего единое и неопределенную двоицу, ведь таково было учение пифагорейцев, а Платон явно всячески следовал за пифагорейцами.

Но нельзя непротиворечиво утверждать, будто неопределенная двоица, которую он называет «большое и малое» (имея в виду материю), есть начало также и идей, поскольку Платон ограничивает материю чувственно воспринимаемым космосом, и в «Тимее» говорит, что она — место рождения, и в ней возникает возникающее. Кроме того, он утверждает, что идеи познаваемы умозрительно, а в материю «верят на основании незаконного умозаключения».

Это свидетельство интересно в нескольких отношениях. 1) Оно подхватывает идею, что Аристотель, Спевсипп и Ксенократ, члены Академии, делали записи во время лекции. 2) Оно связывает учение о началах, Единиче и неопределенной Двоице, с пифагорейцами. 3) И, что особенно важно, оно замечает противоречие, в которое впадает это учение, если речь идет о материи (ὕλη = χώρα), — противоречие, которое не мог снять читатель «Тимея».

3.1.2. Порфирий

Свидетельство Порфирия (234 – ок. 305), также приведенное у Симпликия, указывает в том же направлении, что и свидетельство Александра Афродисийского.

ἀρχὰς γὰρ καὶ τῶν αἰσθητῶν τὸ ἐν καὶ τὴν ἀόριστόν φασι δυάδα λέγειν τὸν Πλάτωνα, τὴν δὲ ἀόριστον δυάδα καὶ ἐν τοῖς νοητοῖς τιθεὶς ἄπειρον εἶναι ἔλεγε,

καὶ τὸ μέγα δὲ καὶ τὸ μικρὸν ἀρχὰς τιθεὶς ἄπειρον εἶναι ἔλεγεν ἐν τοῖς Περί τάγαθοῦ λόγοις, οἷς Ἀριστοτέλης καὶ Ἡρακλείδης καὶ Ἔστιάσιος καὶ ἄλλοι τοῦ Πλάτωνος ἐταῖροι παραγενόμενοι ἀνεγράψαντο τὰ ρηθέντα αἰνιγματωδῶς, ὡς ἐρήθη, Πορφύριος δὲ διαρθροῦν αὐτὰ ἐπαγγελλόμενος τάδε περὶ αὐτῶν γέγραφεν ἐν τῷ Φιλήβῳ... (in Ph. 453.25–31 Diels).

Говорят, что Платон учил, что началами чувственно воспринимаемого являются Единое и неопределенная Двоица. О неопределенной двоице он также говорил, что она беспредельное и находится среди умопостигаемого.

Установив в качестве начал большое и малое, он говорит о них как о беспредельном в рассуждениях «О благе», которые Аристотель, Гераклид, Гестией и другие бывшие там друзья Платона записали, так как сказанное, как говорили, было весьма загадочно. Порфирий же, пообещав разъяснить это, вот что написал об этих вещах в своем «Филебе»...

1) Порфирий повторяет мысль о том, что Аристотель, Спевсипп и Ксенократ, члены Академии, делали записи во время лекции «О благе», и даже расширяет круг присутствовавших учеников, включая в него Гераклида, Гестиея и других⁵. 2) Он ассоциирует учение о началах, Едином и неопределенной Двоице, с пифагорейцами, используя в качестве очевидного маркера наречие αἰνιγματωδῶς. Наречие «загадочно»⁶ объясняет также, почему члены Академии, которые были осведомлены о доктрине

⁵ Точные ссылки на Περί τάγαθοῦ у каждого из этих авторов приводит Жигон (Gigon 1987: 333–334).

⁶ Изъясняться δι' αἰνιγμῶν значит изъясняться more pythagorico, ср. Brisson 1996: 81–83.

Платона, вынуждены делать заметки, что, на первый взгляд, удивительно. 3) И совершенно естественно он упоминает учение об ἄλειρον и ἔν в своем «Комментарии на *Филеб*» — диалог, где Платон говорит о λέρας и ἄλειρον.

3.2. Учение о началах

В то время как Аристоксен противопоставляет единое умопостигаемое благо множеству материальных благ (а только их и признавало большинство афинян), позднейшие авторы обнаружили в лекции изложение секретного учения о началах умопостигаемого и чувственного, учения, известного лишь членам Академии. Вот почему традиция, восходящая как минимум к Александру Афродисийскому, придает значение записям, сделанным в ходе лекции учениками Платона⁷: Аристотелем, Спевсиппом, Ксенократом, Гестиеем, Гераклидом и другими. Именно эти записи должны были бы составлять основу утраченного ныне сочинения Аристотеля «О благе». Мы не можем уверенно сказать, существовало ли это сочинение или же это выдумка философов-платоников, которые хотели закрепить в далеком прошлом доктрину, которую нельзя найти у Платона. Многие признаки указывают на то, что «О благе» — это подложное сочинение. В самом деле, сложно представить, чтобы члены Академии испытали необходимость записать, т.е. опубликовать, некое секретное учение, которое должно было оставаться устным.

Эта секретная доктрина предположительно касалась двух начал. Эти начала — Единое и неопределенная Двоица, которые соответствуют «пределу» (λέρας) и «беспредельному» (ἄλειρον), а также «большому и малому». Мы не находим ничего подобного у Платона, хотя в «Филебе» пара λέρας и ἄλειρον играет определенную роль (впрочем, в ином контексте — исследовании удовольствия). Кроме того, как замечает Александр Афродисийский, невозможно уподобить Двоицу «материи» — просто потому, что

⁷ В «Послезаконии» (980d), подложном диалоге, Афинянин приглашает своих слушателей делать записи.

Платон задает предел хоре (χώρα), ограничивая ее сферой, в которой заключено тело космоса.

Как же тогда сложилось такое представление? Ответ следует искать в реакции платоников эллинистической эпохи и начала Империи против Новой Академии.

3.3. Платонизм и пифагореизм

Перед лицом стоицизированного и аристотелизированного платонизма, который был знаком Цицерону и против которого восставал Нумений (II в. н.э.), в среде платоников постепенно возрастала потребность в более религиозной философии. Именно так мысль Платона стала средством достичь реальности иного уровня, божественного, т.е. умопостигаемого, доступного одной лишь душе. Таким образом внутри платонизма произошло возрождение, которое принято называть «средним» платонизмом. С точки зрения сторонников этого направления, члены Новой Академии оказались неверны основоположениям учения, приписанным у Нумения Сократу и Платону, но очевидно восходящим к пифагорейской традиции.

Евсевий, цитируя Нумения, называет его «пифагорейцем», а сам Нумений неоднократно упоминает имя Пифагора в своей книге «О неверности Академии Платону». Нумений упрекает древнюю Академию в том, что она не смогла сохранить в чистоте учение Платона, как это сделали ученики Пифагора, хотя Платон не хуже, но и не лучше Пифагора (fr. 24.14–22 des Places). Нумений заходит еще дальше, устанавливая связь между Платоном и Пифагором через посредство Сократа:

Они [члены Древней Академии — ЛБ.] от одних положений отказались, а другие превратно истолковали, не сумев сохранить исходное наследие неизменным. Начав с этого, они стали более или менее стремительно отступать (то ли намеренно, то ли бессознательно) от исходного учения — возможно, по каким-то иным причинам, а не только из честолюбия... Платон же был пифагорейцем: он знал, что Сократ черпал именно из этого источника, и прекрасно понимал, о чем тот говорит... Но задолго до них

в том же духе рассуждали и ученики Сократа, каждый из которых придавал его речам свое толкование: Аристипп одно, Антистен — другое, а мегарики и эретрийцы — свое, при этом каждый увлекал следом других. Вот откуда причина разногласий: Сократ устанавливал трех богов⁸ и выводил отсюда соответствующее философское учение, его слушатели этого не понимали и думали, что он все говорит наобум, как будто носится по воле дарующего победу случая то туда, то сюда, словно по воле ветра (fr. 24.47–56 des Places, пер. А.В. Афонасина и А.С. Кузнецовой, испр.).

Интерес этого отрывка заключается не в его исторической достоверности, а в его идеологической направленности. Поскольку, согласно Нумению, Сократ был пифагорейцем, это означает, что и Платон, как его учитель Сократ, был пифагорейцем, и что он занимал промежуточное положение между величавостью одного и человеколюбием другого (fr. 24.57–79 des Places).

Ассоциация Платона с Пифагором влекла за собой два неизбежных вывода: в плане способа сообщения и в плане содержания. Что касается способа выражения, требовалось показать, что Платон был привержен таинственности и приберегал свое учение для устной передачи и устного изложения «с двойным дном», и глубочайший смысл мог раскрываться только внутри Академии. Кроме того, содержание этого учения должно было включать в себя принципы, связанные с математикой: Единое и неопределенную Двоицу. Именно такой смысл вкладывает в анекдот, рассказанный Аристоксеном, пифагорействующая традиция.

Этот анекдот критичен по отношению к Платону, но вместе с тем весьма достоверен. В нем подразумевается доктрина, изложенная в «Государстве», доктрина, относительно которой сам Платон признавал, что она идет вразрез с общепринятыми мнениями. Сближение с Пифагором, на котором настаивали платоники, порвавшие с Новой Академией, влекло за собой такую интерпретацию текста Аристоксена, которой требовали средний

⁸ Учение, которое можно найти в Письме II (подложном), см. Brisson 1987.

и особенно неоплатонизм. Именно эту трансформацию — Гарольдом Чернисом охарактеризованную как «expansion of the evidence»⁹ — я и постарался здесь описать.

Подведем итог. Все говорит в пользу того, что свидетельство Аристоксена имело своим прямым источником часто упоминавшийся Аристотелем анекдот о чтении — самим Платоном либо специалистом-лектором — текста Платона, где речь шла о Благе в перспективе, близкой VI и VII книгам «Государства» и тому, что мы находим на эту тему в «Законах». В начале Империи попытки показать, что платонизм происходит от пифагорейской философии, привели к тому, что в этот анекдот стали вкладывать указание на некую секретную (поскольку устную и «с двойным дном») доктрину о началах, Едином и неопределенной Двоице. У Александра Афродисийского и Порфирия мы находим наиболее древние свидетельства такого переосмысления, спустя полтысячелетия переданные Проклом и Симпликием.

Литература

- ПИ 2016 — Платон и Аристотель // Платоновские исследования. Вып. V (2016/2) / Под ред. И.А. Протопоповой, А.В. Гараджи и др. М.—СПб.: Платоновское философское общество; РГГУ; РХГА, 2016: 11–136.
- Алымова 2016 — Аристотель. О благе // Платоновские исследования. Вып. V (2015/2) / Под ред. И.А. Протопоповой, А.В. Гараджи и др. М.—СПб.: Платоновское философское общество; РГГУ; РХГА, 2016: 11–23.
- Brisson 1987 — Platon. Lettres / Traduction inédite, introduction et notes par Luc Brisson. Paris: Flammarion, 1987. (Collection GF 466.)
- Brisson 1990 — Brisson, Luc. Études critiques sur le livre de M.-D. Richard, *L'enseignement oral de Platon. Une nouvelle interprétation du Platonisme*, Paris, 1986 // Les Études philosophiques (1990): 95–105.
- Brisson 1996 — Brisson, Luc. Introduction à la Philosophie du mythe. I: Sauver les Mythes. Paris: Vrin, 1996 [2005²].
- Brisson 2000 — Brisson, Luc. Lectures de Platon. Paris: Vrin, 2000 [2016²].

⁹ Cherniss 1945: ch. I; Cherniss 1944: 119–121 (note 77).

- Brisson 2017 — *Brisson, Luc*. «Sur le Bien» de Platon: Métamorphose d'une anecdote // *Chôra: Revue d'études anciennes et médiévales* 15 (2017, à paraître).
- Cherniss 1944 — *Cherniss, Harold F*. *Aristotle's Criticism of Plato and the Academy*. Baltimore: The John Hopkins Press, 1944.
- Cherniss 1945 — *Cherniss, Harold F*. *The Riddle of the Early Academy*. Berkeley: University of California Press, 1945.
- Diels 1882–1895 — *Simplicii in Aristotelis physicorum libros / edidit Hermannus Diels*. *Commentaria in Aristotelem Graeca* 9–10. Berolini: typis et impressis Georgii Reimeri, 1882–1895.
- Dorandi 2000 — *Dorandi, Tiziano*. *Le stilet et la tablette. Dans le secret des auteurs antiques*. Paris: Les Belles Lettres, 2000. (L'âne d'or 12.)
- Gaiser 1980 — *Gaiser, Konrad*. *Plato's Enigmatic Lecture "On the Good" [tr. by W.D. Furley]* // *Phronesis*. Vol. 25. No. 1 (1980): 5–37 [= *Gesammelte Schriften / Hrsg. von Thomas A. Szlezák*. Sankt Augustin: Academia Verlag, 2004: 265–294.].
- Gigon 1987 — *Aristotelis Opera. Volumen tertium: Librorum deperditorum fragmenta / collegit et annotationibus instruxit Olof Gigon*. Berolini et Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1987.
- Huffman 2012 — *Aristoxenus of Tarentum: Discussion / Ed. by Carl A. Huffman*. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2012.
- Krämer 2009 — *Krämer, Hans*. *Platons Definition des Guten // Denken – Gedanken – Andenken. Zum 90. Geburtstag von Elisabeth Büchlin*. Hamburg: F. Meiner Verlag, 2009: 131–140.
- Luna, Segonds 2007 — *Proclus. Commentaire sur le Parménide de Platon / éd. et tr. par Concetta Luna et Alain-Philippe Segonds*. T. I. Paris: Les Belles Lettres, 2007.
- des Places 1973 — *Numénius. Fragments / Texte établi et tr. par Édouard des Places*. Paris: Les Belles Lettres, 1973.
- Richard 1986 — *Richard, Marie-Dominique*. *L'enseignement oral de Platon. Une nouvelle interprétation du Platonisme* Paris: Le Cerf, 1986.
- Da Rios 1954 — *Aristoxeni Elementa harmonica / Rosetta Da Rios recensuit*. Romae: typis Publicae Officinae Polygraphicae, 1954.
- Svenbro 2001 — *Svenbro, Jesper*. *La Grèce archaïque et classique: l'invention de la lecture silencieuse // Histoire de la lecture dans le monde occidental / Sous la direction de Guglielmo Cavallo et Roger Chartier; trad. fr. par J.-P. Bardos et M.-C. Auger*. Paris: Éd. du Seuil, 2001 [1997¹].